

В тот вечер Цао Е задержался в компании допоздна. Конец месяца был горячей порой, и он решил поработать сверхурочно, чтобы закончить все дела за следующие несколько дней. К тому же, в этом году у Luomeng не было фильмов, запланированных к выходу во время Национального праздника, поэтому он мог подольше побыть в Шанхае.

Около одиннадцати вечера, когда Цао Е выходил из офиса на подземную парковку, ему позвонил по видеосвязи Лян Сычжэ. Цао Е ответил на звонок, идя по парковке:

— Ночные съёмки закончились?

Лян Сычжэ, похоже, тоже был на парковке съёмочной группы. Освещение было тусклым, изображение на экране было зернистым и нечётким. Камера задержалась на лице Лян Сычжэ всего на несколько секунд, затем дёрнулась, как будто её повернули и опустили вниз, и на экране появилось лицо сяо Мэна.

— Один маленький человечек хочет тебе кое-что сказать, — произнёс Лян Сычжэ за кадром.

— Е-гэгэ, это тебе значок-звёздочка, — ручка сяо Мэна мелькала на экране, оставляя размытые следы, словно он пытался показать значок в камеру, но никак не мог найти нужное положение.

Через мгновение в кадре появилась другая рука, которая взяла сяо Мэна за запястье и помогла ему направить значок в камеру. Цао Е почти мог представить себе, как сейчас выглядит Лян Сычжэ: он полуприсел, в одной руке держал телефон, а другой помогал малышу.

— Я надену его, как только вернусь, — с улыбкой сказал Цао Е сяо Мэну.

Сяо Мэн появился на экране всего на несколько секунд, а затем убежал. Камера снова дёрнулась, когда Лян Сычжэ встал и сел в машину. Цао Е услышал, как Сун Цинъянь тихо сказала за кадром:

— Кажется, нас снимают папарацци.

Цао Е в шутку ответил:

— Что они снимают? Что у тебя есть внебрачный ребёнок?

Камера повернулась к лицу Лян Сычжэ. Несмотря на невыгодный ракурс снизу, его линия подбородка выглядела удивительно красивой. Лян Сычжэ посмотрел в камеру и, улыбаясь, сказал:

— Ты уже освоил методы папарацци. Может быть, они и правда снимают это.

С этими словами он взял у Сун Цинъянь бутылку воды и, запрокинув голову, сделал глоток. Движение его кадыка напомнило Цао Е о прошлой ночи в ванной: нахмуренные брови Лян Сычжэ,двигающийся кадык и сдавленный вздох. Допив воду, Лян Сычжэ снова взял телефон и, увидев, что Цао Е сидит в машине, спросил:

— Собираешься домой?

— К тебе, — отрезал Цао Е.

— Выходит, мой дом — это и твой дом? — с улыбкой произнёс Лян Сычжэ.

Цао Е действительно собирался заехать к Лян Сычжэ. Версии фильмов «Тринадцать дней», «Красный мужчина, красная женщина» и «Река Ванчуань», размещённые на стриминговых платформах, были сокращены. Перед отъездом в Пекин он спросил Лян Сычжэ об этом, и тот сказал, что у него хранятся полные версии.

— Ты точно хочешь посмотреть мои версии? — спросил тогда Лян Сычжэ. — Тогда перед просмотром хорошенько морально подготовься.

— Неужели всё так серьёзно?

— Не то чтобы, но можешь попробовать.

Спустя полчаса Цао Е без труда добрался до дома Лян Сычжэ. Он вошёл, в доме было пусто. Цао Е включил верхний свет и, переобуваясь, осмотрел комнату, невольно пытаясь представить, какие чувства испытывал Лян Сычжэ, возвращаясь домой после окончания съёмок каждого фильма.

«Наверное, примерно такие же, как и я», — подумал Цао Е. Он не испытывал особого энтузиазма по поводу возвращения домой. Это было просто сменой обстановки для сна — место было более комфортным, но и более одиноким. Поэтому вместо дома он предпочитал проводить время в маленьком кинотеатре на Иньсы, общаясь с другими кинематографистами своего возраста, полными идей. Так он чувствовал себя менее одиноким.

Кинозал на втором этаже выглядел так же, как и в прошлый раз. Вновь войдя в эту комнату, Цао Е испытал волнение. Если бы он тогда случайно не заметил, что Лян Сычжэ дважды смотрел одну и ту же запись с камеры наблюдения, то, возможно, до сих пор бы обманывал себя.

Он подошёл к стеллажу и посмотрел на ряд дисков с фильмами Лян Сычжэ. За десять лет своей карьеры Лян Сычжэ снялся в не очень большом количестве фильмов. Вместе с

режиссёрской работой «Сны о любви и судьбе» у него на счету было всего десять картин. В среднем, по одной в год. Неудивительно, что многие говорили о его удаче: снимается мало, но каждый его фильм — шедевр.

Цао Е взял в руки коробку с диском «Красный мужчина, красная женщина». На обложке Лян Сычжэ был изображен в профиль, с зажжённой сигаретой в пальцах, словно он смотрел в пустоту, погруженный в свои мысли. Внезапно Цао Е понял, почему при первой встрече с Линь Хуань у него возникло чувство, будто они давно знакомы. Он видел этот постер раньше. Когда Линь Янь показал ему его, Цао Е был раздражён и лишь мельком взглянул на него. Кто бы мог подумать, что одного-единственного взгляда хватит, чтобы этот образ запечатлелся в его памяти.

Несколько дней спустя на съёмочной площадке Линь Хуань стояла в той же позе, в профиль к камере. Тогда Цао Е принял это за любовь с первого взгляда. Под влиянием Линь Яня он начал активно ухаживать за Линь Хуань. Теперь же, оглядываясь назад, он понимал, что любовь с первого взгляда он, кажется, испытал не к Линь Хуань, а к Лян Сычжэ. «Это действительно... довольно нелепо», — подумал он.

«Что ж, начнём с этого фильма», — решил Цао Е. Он не мог отрицать своего любопытства к образу Лян Сычжэ в женском платье. Цао Е вставил диск в проигрыватель и сел на ковёр. На экране темнота постепенно сменялась светом. В коридоре зажгётся тусклый датчик движения, по лестнице зацокали каблуки, шаги были немного неуверенными. В кадре виднелись только ноги, но чувствовалось, что человек пьян.

Каблуки застучали по ступенькам, зазвенели ключи. Человек открыл дверь и вошёл.

Концы длинных волос упали вниз, человек наклонился и кончиками пальцев стёр грязь с носка туфли, затем снял её и босиком прошёл в комнату. Из другой комнаты послышался женский голос, пожилой, немного резкий и пронзительный, говорящий на шанхайском диалекте. Женщина спросила, почему он вернулся так поздно.

— Деньги зарабатываю, — раздражённо ответил человек. Это был мужской голос.

Чулки и юбка полетели на пол. Камера поднялась и приблизилась к зеркалу, показывая его обнажённый торс. Человек, опираясь на стол, наклонился, чтобы посмотреть на свои красные губы в зеркале. Губы шевелились, нетерпеливо отвечая на слова из-за двери:

— Что ты пристала? Я что, тороплю тебя сдохнуть поскорее?

Камера поднялась ещё выше, показав в зеркале андрогинное лицо. Человек смочил водой платок и начал медленно стирать макияж, напевая песенку, которую время от времени прерывали слова из-за двери, на что он отвечал раздражёнными ругательствами. На экране появились титры, четыре переплетённых иероглифа «Красный мужчина, красная женщина».

Цао Е немного пришёл в себя. Ли Нянь. Если он не ошибался, то до объявления результатов премии «Золотая статуэтка» все кинокритики в один голос твердили, что Лян Сычжэ станет главной сенсацией года в китайском кинематографе. Раньше он не мог представить Лян Сычжэ в женском образе, но после этих начальных кадров обнаружил, что эта роль удивительно ему подходила. Неудивительно, что Цао Сююань тогда снова выбрал Лян Сычжэ на главную роль. Трудно было представить, какой ещё актёр смог бы так сыграть Ли Няня.

Вступительные титры закончились. В ярком свете ночного клуба Ли Нянь нёс поднос с напитками в VIP-комнату. Ли Нянь был красив, но эта красота не могла скрыть его мужских черт. Любой, кто взглянул бы на него, сразу понял бы, что это был молодой человек чуть старше двадцати. Ли Нянь работал в ночном клубе, среди проституток. По словам хозяйки заведения, Ли Нянь был предназначен для обслуживания мужчин с особыми наклонностями. Они знали, что он мужчина, это одновременно привлекало их и отталкивало. Они трогали его, распускали руки, но при этом оскорбляли:

— Ты точно мужик? У тебя есть член? Он работает?

Под градом этих оскорблений Ли Нянь оставался невозмутимым, молча сидя в стороне. В нем не было ни капли раболепия, лишь холодное безразличие, которое, как ни странно, еще больше распяляло мужчин. Ли Няню нужны были деньги. Его мать была тяжело больна, и ему приходилось работать в ночном клубе. Несмотря на то, что женщина, с тех пор как несколько лет назад обнаружила его увлечение переодеванием, каждый день ругала и била его, Ли Нянь был вынужден зарабатывать деньги на её лечение. Эта работа начала вызывать у Ли Няня отвращение к женской одежде, потому что каждый раз, надевая её, он снова и снова подвергался унижениям.

Во второй половине фильма постоянно сдерживающийся Ли Нянь наконец взрывается и вступает в драку с клиентами. Его парик наполовину срывают, топчут ногами, платье рвётся в клочья. Выходя из комнаты, он получает известие о критическом состоянии матери и в таком жалком виде мчится в больницу. У входа в больницу к нему подходит мужчина и накидывает на него пиджак.

Ли Нянь снова надевает женскую одежду на похоронах матери. Все посетители похоронной службы оборачиваются, глядя на него, но он не обращает на них внимания. Он кладёт букет свежих цветов к подножию надгробия и долго смотрит на черно-белую фотографию.

В тот же вечер он увольняется из ночного клуба. Вернувшись домой, он надевает туфли на высоких каблуках и танцует в лунном свете. Как и в начале фильма, в кадре видны только его ноги. Красные туфли выстукивают ритм на полу, это выглядит красиво.

Зазвучала финальная песня. Цао Е долго не мог прийти в себя.

Неудивительно, что Цао Сююань тогда набросился на журналистов после церемонии награждения. Лян Сычжэ блестяще исполнил эту неординарную роль, но так и не получил награду. Это было несправедливо. Стоило признать, что в этом фильме Цао Сююань как

режиссёр тоже проявил себя превосходно. В начале фильма, снимая туфли, Ли Нянь наклоняется и аккуратно стирает с них грязь. Ближе к концу, вернувшись домой, он с силой сбрасывает туфли — одну далеко отшвыривает, другую с грохотом бросает в стену. Эта деталь демонстрирует изменение отношения Ли Няня к своему увлечению переодеванием.

Цао Е нашёл материалы того времени. В новостях говорилось, что финальную сцену «Красного мужчины, красной женщины» переписал сам Цао Сююань. Сценарист хотел закончить фильм на моменте, где Ли Нянь в женской одежде присутствует на похоронах матери, но Цао Сююань добавил тот танец в лунном свете.

Журналист, писавший статью, вероятно, был поклонником Цао Сююаня. Он написал, что, пожалуй, Цао Сююань, вероятно единственный в материковом Китае, мог добавить такой красивый и полный надежды финал к фильму о трансвестизме. Цао Е вспомнил этот танец в лунном свете. Он подумал, что, пожалуй, Лян Сычжэ был прав. Он почти десять лет не смотрел фильмы Цао Сююаня и практически забыл, как сиял тот бог, которому он поклонялся в юности.

Этот фильм заставил его осознать, что Цао Сююань, помимо своей роли отца, был выдающейся личностью. Все эти годы он прятался в тени Цао Сююаня, отказываясь отстраниться, выйти за рамки роли сына и взглянуть на него объективно, как на человека.

«Посмотрю ещё один фильм», — помедлив, подумал Цао Е. Он подошёл к стеллажу. «Река Ванчуань» или «Тринадцать дней»? «Тринадцать дней» был их общим с Лян Сычжэ воспоминанием. Возможно, стоит посмотреть его вместе... Но почему других фильмов было по одному диску, а «Тринадцать дней» — два? Может, это была сокращённая и полная версии? Размышляя об этом, он взял диск и некоторое время смотрел на обложку «Тринадцать дней». Эта обложка была ему очень знакома — это была фотография профиля Лян Сычжэ в WeChat.

Он открыл коробку с диском, и из неё выпал тонкий листок бумаги. Цао Е не успел наклониться, чтобы поднять его, потому что увидел фотографии внутри. Он сразу узнал на снимках улицу Иньсы, точнее, заснеженную зимнюю улицу Иньсы. Когда-то он попросил Хуан Ин каждый раз, когда на Иньсы выпадает снег, фотографировать её и отправлять ему снимки. Он взял несколько фотографий. Они были сделаны с разных ракурсов: улица, переулок, фасад ресторана «Лазурной вечеринки» и маленькая сяо-сяо Бай, стоящая посреди улицы.

Он присел и поднял упавший на пол листок. Чернила на бумаге выцвели, казалось, что она была очень старой, но написанные с нажимом слова всё ещё были чёткими. Вертикальная строка, написанная почерком Лян Сычжэ, гласила: «С 17-летием, ещё один сяо Мань в этом мире. Ты навсегда останешься прекрасным юношей». Цао Е слышал эти слова не впервые, но только сейчас, запоздало, он понял, что на церемонии вручения премии «Золотая статуэтка» последние слова Лян Сычжэ были обращены к нему. Тогда он принял зрительный контакт за иллюзию, но теперь осознал, что стоящий на сцене Лян Сычжэ действительно смотрел на него. В тот момент их взгляды действительно встретились.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130312>